

*Хью Д. ХАДСОН-МЛАДШИЙ, профессор
государственного университета
штата Джорджия,
г. Атланта*

*Брюс Дж. ДЕХАРТ
адъюнкт-профессор государственного университета
штата Северная Каролина,
г. Пембрук*

*Дэвид М. ГРИФФИТС
профессор университета штата
Северная Каролина,
г. Чэпел Хилл*

ПРОЛЕТАРИИ ПО УКАЗУ: ИСТОРИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА (1630-1861 гг.)

Хью Хадсон-младший – автор монографии о династии уральских горнозаводчиков Демидовых и работ по истории советской архитектуры.

Брюс Дехарт – специалист по истории дореволюционной и советской России.

Дэвид Гриффитс – один из ведущих на Западе специалистов по истории России XVII-XVIII вв. Автор нескольких книг по эпохе Екатерины II.

В недрах Уральских гор, приблизительно в 1600 км к востоку от Москвы, были скрыты огромные залежи железной руды. Их широкомасштабная разработка могла бы обеспечить русское государство столь необходимым для раннеиндустриальной экономики сырьем. В свою очередь, железодельная промышленность способствовала бы росту военного могущества России, что было так важно в начале XVIII в., времени, когда война была основным занятием честолюбивых

правителей. Поэтому при Петре I, чье почти что 30-летнее царствование (1689-1725) лишь на один год было избавлено от битв, у России возник интерес к богатствам уральских недр.

Для создания на Урале промышленности требовался импульс, который могло дать только государство. Как бы то ни было, правительство Московии, никогда не стеснявшееся использовать силу, было готово ее применить и здесь. Класс предпринимателей, например, можно было создать моментально, принудительно отправив на Урал опытных государственных чиновников и преуспевающих купцов. При этом средства найти было нетрудно: вечно задавленный русский крестьянин, из которого государство выжимало все соки, чтобы обеспечить себя всем необходимым, мог быть использован и здесь – и возможно еще более активно. Поэтому государство само могло построить металлургические заводы или предоставить для этого займы и субсидии частным предпринимателям. И казна и частники могли импортировать передовую технологию и ее носителей из Центральной Европы. В итоге государство и, в частности, армия, смогли бы обеспечить рынок сбыта готовой продукции и лишь дефицит рабочей силы, казалось, стал для Петра I единственным препятствием, мешавшим создать процветающую металлургию.

Урал находился далеко от основных мест проживания людей, крайне необходимых для такой человекоемкой отрасли экономики, как металлургия. Местные народы Урала, башкиры и калмыки, вели кочевой образ жизни и не могли стоять у раскаленных и грязных печных топков. Очевидно, что все попытки затащить их на завод с помощью заработной платы или угрозы физической расправы провалились. Так как в России, в отличие от Англии, не было движения огораживателей земли, рабочие руки привлечь сюда было невозможно, поскольку русские люди были привязаны к местам своего жительства крепостным правом и правительственными указами¹. Петр I пришел к выводу, что основную массу металлургов, как мастеровых, так и работных людей, придется направлять на Урал принудительно. Но что дало использование принудительного труда? Удалось ли с помощью него достичь тех результатов, на которые рассчитывало государство? Если они все же имелись, то какова была их социальная и экономическая цена? Эти вопросы постоянно задавались в дореформенной России. И лишь один вопрос русское правительство не задало себе сразу же (его часто забывают поставить и западные историки): несут ли сами заводы ответственность за то, что, по существу, придало неповторимость истории рабочего класса в России?

На раннем этапе проблему квалифицированного труда почти всегда решали одним способом. Андрей Виниус и другие предприниматели-иностранцы, типа Петра Марселеса и Андрея Бутенанта, нанятые русским правительством после 1630 г. для превращения кустарных заводов в современную металлургическую промышленность, использовали мастеровых из Европы². Русское правительство почти никогда не возражало против этого, но требовало, чтобы иноземцы обучали русских навыкам металлургии. Тем самым решалась проблема рабочей силы и закладывались основы будущей металлургии России.

Конечно, мастерские составляли крайне малочисленную часть людей, занятых в XVII в. в металлургии. Железодельным и медеплавильным заводам требовалось много рабочих рук для рубки леса, углежжения, добычи руды, ее перевозки на предприятие, и, наконец, вывоза готовой продукции³. Правительство почти не помогало горнозаводчикам выписывать мастеровых за границей, однако активно содействовало привлечению отечественных чернорабочих. Казна разрешила привлекать свободных (государственных) крестьян для сезонных работ на новых горных заводах. Эти полурабочие, переданные казенным или частным предприятиям, получили название «приписных крестьян» и стали частью завода. Все взрослые мужчины были обязаны отрабатывать на предприятии 2-4 недели (хотя на практике этот срок был гораздо больше), взамен чего заводчики оплачивали их обязанности (тягло) государству; только за работу, выполненную сверх этих обязанностей, им платили деньгами. Размер этой зарплаты («платная работа»), был меньше, чем у вольнонаемных. Переход приписных от своего дома до завода, иногда на расстояние до 600 км, не оплачивался. Наконец, приписные крестьяне чтобы содержать себя, свои семьи и других работников, продолжали в свободное от заводских дел время заниматься земледелием.

Необходимая в силу неразвитости рынка рабочей силы приписка быстро решила часть проблем, связанных с набором рабочей силой. У каждого заводчика XVII в. были приписные крестьяне. Эта традиция пригодилась после начала в 1700 г. войны со Швецией, когда царь был вынужден перенести металлургическую промышленность из легкодоступного северо-запада страны в более безопасные Уральские горы. На всех 28 металлургических заводах Урала приписка стала основной формой набора чернорабочих. Она началась в декабре 1702 г. – январе 1703 г. с отправки на заводы государственных крестьян Аятской и Краснопольской слобод, а также деревень Покровского монастыря. Около 2500 крестьян навсегда приписали к Невьянскому железодельному заводу, крупнейшему из 12 металлургических предприятий ведущего русского заводчика Никиты Демидовича Демидова и его сына Акинфия⁴. Прецедент был создан. Уже к 1719 г., согласно данным первой ревизии, 31000 душ мужского пола были приписаны к металлургическим заводам, из них почти 30000 числились на Урале⁵.

Введение Петром института приписки обеспечило уральские металлургические заводы постоянным источником вспомогательной рабочей силы, но как и воинская повинность, эта мера не сумела удовлетворить постоянно растущие запросы предприятий. Проблему пытались решать разными путями. Так, например, отлавливали и отправляли на заводы нищих, уличных мальчишек, проституток и т.п., где они должны были приносить пользу для государства⁶. Но этого было явно недостаточно. Тогда государство дало право покупать крепостных не только дворянам. Ранее Петр I разрешил Никите Демидову, в то время еще незнатному человеку, купить крестьян для своего Невьянского завода⁷. Указом от 18 января 1721 г. всем заводчикам неблагородного происхождения было разрешено покупать целые деревни для своих предприятий, что привело к возникновению категории «куп-

ленных крестьян» (с 1797 г. – «посессионные крестьяне»). Будучи постоянно приписанными к тому или иному предприятию, посессионные крестьяне или, точнее, «заводские крепостные», не могли быть освобождены или проданы отдельно от предприятия или переданы другому заводу⁸. Они не подлежали рекрутскому набору: работая на заводах, поставлявших государству вооружение, эти люди как бы уже служили в армии. Таким образом, крестьяне поставляли чернорабочих, о чем мечтали заводладельцы, а в дальнейшем и работных людей.

Дефицит последних тоже был проблемой. Иностранцы, особенно немцы, больше не могли удовлетворять потребности быстро развивающейся российской металлургии. Кроме того, их труд был очень дорог. Для выхода из сложившейся ситуации нужно было что-то делать. Передавая казенный Невьянский завод Никите Демидову, Петр I разрешил ему взять с собой на Урал 20 лучших вольнонаемных тульских кузнецов, а также дал Демидову польских и шведских военнопленных, в том числе несколько опытных мастеров⁹. Кроме того, Демидовы рассчитывали на своих единоверцев-раскольников, которые могли помочь им получить тульских и олонечских (это центры старообрядчества) мастеровых¹⁰. Раскольникам было выгодно работать на окраине страны, куда не дотягиваются длинные руки государства. Металлургия была для казны важнее и она сквозь пальцы смотрела на это обстоятельство.

Несмотря на все это, опытных работников на Урале по-прежнему было мало и их труд был дорог. Тогда государство вновь прибегло к внеэкономическому принуждению. Здесь оно нашло для себя невольного сообщника в лице помещиков, поскольку в первой четверти XVIII в. беглые крепостные составляли большинство рабочей силы на крепостной мануфактуре. Усиление помещичьей эксплуатации привело к массовому бегству крепостных из земледельческого центра России на окраины, в первую очередь на Урал, где эти «пришлые люди» попадали на вновь построенные металлургические предприятия, и нередко обучались заводскому ремеслу у местных мастеровых. Учитывая острую нехватку рабочей силы, государство позволило беглым (а с точки зрения тогдашних правовых норм – преступникам) остаться на заводах. Указ от 18 июля 1721 г., разрешивший заводладельцам (как дворянам, так и не имеющим этого статуса) оставлять у себя беглых крепостных работников, получивших заводскую профессию, свидетельствовал о намерении правительства и дальше ограничивать права дворянства; прежним хозяевам крепостных за это выплачивалась компенсация¹¹.

При Петре государство решало проблему рабочей силы в металлургии фактически тремя способами: припиской государственных крестьян к казенным и частным горным заводам; разрешением недворянам покупать для своих предприятий крепостные деревни; предоставлением заводчикам права оставлять у себя получивших заводскую профессию беглых крепостных. Использование в совокупности всех этих мер дало положительный эффект. В 1725 г., когда ушли из жизни оба основателя уральской металлургической промышленности, Петр I и Никита Демидов, заводы последнего выплавляли 6646 т чугуна, а казенные пред-

приятия – всего лишь 3915 т¹². Впервые в своей новой истории Россия смогла обеспечить себя железом, что позволило ей, таким образом, создать свою оружейную промышленность и постепенно стать крупнейшим экспортером этого металла.

Приписные крестьяне, однако, имели свой взгляд на заводской труд. Уже в 1720-е гг. они начали сопротивляться принудительному труду, требуя уравнивать свою зарплату с вольнонаемными работниками. Желая остаться землепашцами, они стремились нанять для заводских работ кого-то со стороны. Но при их зарплате это было сделать не просто: приписным платили по 24 коп. за заготовку 1 сажени (7 куб. футов) леса, а за подмену им приходилось выкладывать из своего кармана за тот же объем работ 50 коп. За жжение одного и того же объема угля приписным платили только 2/3 от зарплаты вольнонаемного работника¹³. И только когда зарплата приписных сравнялась с зарплатой вольнонаемных, они смогли позволить себе нанимать подмену и спокойно заниматься своим домашним хозяйством¹⁴.

Протесты приписных крестьян вынудили одного из «птенцов гнезда Петрова», В.Н.Татищева, попытаться отменить принудительный заводской труд. Татищев стал начальником Горных дел канцелярии в конце 1720 г., как раз к концу Северной войны. Он считал, что принудительный труд малоэффективен, и как полномочный представитель царя, попытался провести в этой сфере реформы. Татищев полагал, что для строительства горных заводов и вспомогательных занятий следует привлекать вольнонаемных переселенцев, в основном беглых крепостных, поскольку такой работник «нигде себе хлеба не может получить и рад за невеликое пропитание работать, отчего заводы вскоре с малым убытком придти в состояние могут»¹⁵. Допуская, что набор обученных мастерству людей из-за их дефицита мог быть осуществлен и путем внеэкономического принуждения, Татищев, очевидно, был против использования принудительного труда приписных и купленных крестьян на вспомогательных работах.

Мнение Татищева о легкости перехода от принудительного к вольнонаемному труду оказалось ошибочным. Он был глубоко потрясен, когда понял, что найти столько жаждущих работы крестьян ему не удастся¹⁶. Беглые, осевшие на Урале, предпочитали селиться вокруг заводских стен, заниматься земледелием, и не горели желанием войти в заводские ворота. На какое-то время избавившись от контроля чиновников и, следовательно, не платя никаких налогов, работая только на себя, они неплохо жили и так. Не имея специальных инструкций на этот счет, Татищев решил, что только экономическое принуждение, т.е. обязанность крестьян платить оброк, вынудит их работать за плату. Эти планы испугали уральских заводчиков, полагавших, что они решат все свои проблемы лишь путем принуждения тех же самых крестьян к временному труду; проекты Татищева поставили под угрозу могущество Демидовых, считавших себя хозяевами Урала. Подключив свои связи в Санкт-Петербурге, последние добились в 1722 г. отзыва царского посланника. Теперь Демидовы вновь могли поступать по своему усмотрению.

В 1734 г. Татищев вновь оказался на Урале. На сей раз он получил от императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) строгие «инструкции», которые в вопросе о найме рабочей силы противоречили его представлениям начала 1720-х гг. На всем протяжении российской истории войны, или их угроза делали невозможным ослабление насилия; послепетровский период в этом отношении не был исключением. С учетом того, что не за горами были борьба за польское наследство и с Оттоманской Портой, казна едва ли хотела проводить эксперименты в сфере труда. Уравнивание заработной платы приписных крестьян с вольнонаемными работниками ликвидировало бы рынок свободной рабочей силы. В инструкциях Татищеву подчеркивалось, что вольнонаемные должны привлекаться только к квалифицированным работам, а чернорабочие – набираться только из приписных¹⁷. Чтобы запретить наем беглых крестьян, среди которых Татищев ранее надеялся получить рабочих людей и чернорабочих, Кабинет определил, что нанимать на заводы можно только крестьян с «помещиковыми и управительскими» паспортами, а беглых, обосновавшихся на заводах или поблизости от них, следует с завода удалить¹⁸. Кабинет требовал, чтобы «в заплате с мастерами правильно поступали, и лишнею передачею (т.е. переплатой. – *Авт.*) мастеров друг от друга, також и беглых крестьян не приманивали и не держали» и запретил платить вольнонаемным работникам больше, чем приписным крестьянам. Признавая все же необходимость использования в ряде случаев приписных, Татищев был категорически против ограничения найма беглых. Политика, основанная на принуждении, предупреждал он императрицу, не только не будет способствовать строительству новых горных заводов, но и приведет к упадку уже существующих¹⁹.

Несмотря на данные ему инструкции, Татищев продолжал придерживаться своих прежних взглядов, борясь за создание материальных и социальных предпосылок более широкого применения на заводах вольнонаемной рабочей силы. С этой целью он созвал в 1734 г. в Екатеринбурге совещание горнопромышленников, чтобы принять новый Горный устав, призванный регулировать отношения между заводоладельцами и работниками, определить единые размеры зарплаты и улучшить условия труда, заложив таким образом основу для расширения вольного найма²⁰. Татищев также пытался открывать школы для детей мастеровых и требовал от заводчиков оплачивать людям вынужденный простой заводов или время болезни²¹.

Предложения Татищева по улучшению условий работы могли снизить доходы заводоладельцев, которые повсеместно практиковали принудительный труд. До этого постоянно ссорившиеся друг с другом, они сумели объединиться против Татищева. Демидовых поддержали промышленники Строгановы, и в конечном счете Татищев был переведен на Южный Урал усмирять бушевавшее там восстание²².

Таким образом, государство предпочитало решать проблему рабочей силы в металлургии методами, применявшимися при Петре. Еще до отправки Татищева на Южный Урал оно расширило использование принудительного труда в метал-

лургии. В 1734 г. правительство сформулировало основные принципы приписки, таким образом превратив отдельные явления в постоянную практику. Всякому владельцу горного завода разрешалось иметь на 1 домну 100-150 дворов приписных государственных крестьян, а на каждый молот – по 30 дворов; для выплавки 18 т меди полагалось иметь 50 дворов (200 душ мужского пола)²³. Менее чем через 2 года, 7 января 1736 г. всем работным людям вместе с семьями было предписано постоянно проживать в местах своей работы²⁴. Одним росчерком пера большинство вольнонаемных работников лишились свободы²⁵. Стремясь обеспечить металлургическую промышленность работными людьми, правительство Анны Иоанновны создало новую социальную категорию «вечноотданных». Оно полагало, что избавившись теперь от соблазна более высокой заработной платы, которую получали вольнонаемные работники, приписные крестьяне станут теперь заводскими рабочими. В противном случае их самовольный уход отныне приравнивался к побегу крепостных, за что грозило суровое наказание²⁶.

Множество челобитных, поданных приписными, их длительное сопротивление, переросшее в восстание, охватившее большую часть Урала, свидетельствовали, что надежды правительства не оправдались. Таким образом, если создание мощной металлургической промышленности, основанной на принудительном труде, было вызвано войной, или угрозой ее возникновения, то рабочие волнения в середине XVIII в. вынудили государство пересмотреть свою трудовую политику. Чтобы погасить волнения, правительство начало исподволь собирать информацию об условиях работы на Урале. Изучив ее, оно сначала приняло меры по улучшению условий труда, затем частично, а позже и полностью освободило приписных крестьян. Все это прекратило приписку, улучшило условия труда, и, наконец, позволило большинству крестьян заниматься своим домашним хозяйством. Но только всеобщее освобождение 19 февраля 1861 г. позволило всем приписным уйти с заводов, предоставив предприятия рынку свободного труда.

Как уже отмечалось, правительство не прислушивалось к требованиям крестьян. В 1740-е гг. постоянные жалобы и отдельные забастовки привели к осознанию заводчиками и правительством того факта, что ситуация на Урале далека от нормальной²⁷. В то время опасности ни для металлургической промышленности, ни для государства не было, но в 1750-е гг. и в начале 1760-х гг. отдельные волнения переросли в крупномасштабное восстание²⁸. К тому Россия опять оказалась вовлечена в международный конфликт, на сей раз с сильнейшей Пруссией. Не умирив Урал, нельзя было победить в Семилетней войне. Не сумев тогда подавить восстание силой, российские власти вынуждены были пересмотреть свою тогдашнюю трудовую политику.

Поскольку приписные крестьяне были движущей силой заводских восстаний, правительство Елизаветы Петровны (1741-1761) пришло к выводу, что дальнейшее использование приписки лишь усугубит ситуацию, и поэтому после 1760 г. оно прекратило отдачу государственных крестьян на металлургические предприятия. Преемники Елизаветы Петр III (1762) и Екатерина II (1762-1796) про-

должили этот курс. Хотя никаких законов насчет приписки издано не было, сенатский указ от 15 сентября 1763 г. запретил приписку крестьян Исетской провинции на екатеринбургские рудники²⁹. Этот запрет создал общенациональный прецедент, который оставался в силе на протяжении всего 34-летнего царствования Екатерины. Ее намерению ограничить масштабы приписного труда на горных заводах предшествовало 29 марта 1762 г. решение Петра III отменить указ от 18 января 1721 г., предоставлявший недворянам право покупки крепостных («купленные крестьяне») для своих заводов³⁰. Теперь купцы, построившие металлургические предприятия, должны были укомплектовывать их вольнонаемными работниками³¹. Для заводовладельцев же благородного происхождения (но не тех, кто получил дворянство в знак признания своих заслуг) никаких ограничений по прежнему не было.

Пересмотр правительством в 1760-1763 гг. двух из трех базовых составляющих его трудовой политики не смог усмирить непокорных рабочих, т.к. ни прекращение приписки, ни запрет покупки крепостных для предприятий, что привело к изменению статуса людей, делали их независимыми от уральских заводов. Вступив на престол в июне 1762 г., Екатерина II насчитала на Урале 49000 восставших приписных крестьян (в России численность этой категории населения была 142517)³². Многие из них трудились на казенных предприятиях, которые были отданы или проданы высокопоставленным сановникам: Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым, Ягужинским и др. Рабочих не обрадовал возврат заводов государству: они требовали освободить их от промышленного труда. Работая на заводе, они могли добыть оружие, которое подняли бы против правительства, тем самым поставив под угрозу функционирование предприятий, без которых страна не смогла бы вести войны. Екатерина отвергла требования восставших, опасаясь что в противном случае это приведет к дефициту рабочей силы и остановке производства. Но она, тем не менее, направила на Урал князя А.А.Вяземского, снабдив его секретными инструкциями.

Если ранее трудовую политику империи определяли военные соображения, то теперь на первое место вышло постоянно нарастающее сопротивление заводских работников. Поэтому требовалось не только усмирить работников, но и тщательно выяснить причины их восстания³³. Екатерина поручила Вяземскому сообщить, как идет на Урале замена приписных крестьян вольнонаемными работниками и разобраться, «не лучше ли работы горные производить за плату вольную и наемными работниками»³⁴. Имея на руках инструкции и царский манифест, призывавший бунтовщиков вернуться к работе, Вяземский в конце декабря 1762 г. прибыл в Казань. В течение 11 месяцев он с помощью ружей и пушек усмирил Урал, чего не удавалось сделать целых 3 года.

Приписные крестьяне воспользовались миссией Вяземского, чтобы вручить ему свои челобитные. Использование Вяземским пушек не отбило у крестьян тягу к свободе. Удовлетворение их требований способствовало бы сохранению у них землепашества³⁵. Крестьяне пытались растолковать царскому вельможе, что

сезонный характер приписки разрушает сельскую экономику, поскольку в период полевых работ в деревнях остаются лишь женщины, дети, калеки и старики. Люди также жаловались на злоупотребления заводчиков и приказчиков, низкие зарплаты и большую продолжительность заводских работ, удаленность заводов, за переход к которым ничего не платили, круговую поруку на работе и принудительное закрепление на заводе вечноотданных. Так или иначе, все они воспринимали приписку как угрозу своему традиционному существованию.

Из жалоб, рассмотренных Вяземским, наибольшее значение имели те, что подали приписные крестьяне Камского горного завода, поскольку именно они легли в основу подготовленных князем для императрицы предложений. 9 апреля 1763 г. Екатерина на основе предложений Вяземского издала указ, несколько улучшивший положение полурабочих³⁶. Признав тяжелое положение приписных крестьян, она ограничила их пребывание на заводе 3 месяцами. Заводовладельцам и приказчикам было запрещено заставлять людей трудиться сверх этих сроков и предписывалось платить приписным крестьянам столько, сколько им было нужно для внесения подушной подати. Рабочим разрешили выбирать лиц, которые будут следить за выполнением работ, выдавать заработную плату и сообщать о злоупотреблениях местным властям. В свою очередь, императрица потребовала, чтобы приписные выполняли положенную им работу в полном объеме. Так как эти решения ставили под угрозу слишком многое – выпуск вооружения и экспорт железа, то приняв их, Екатерина II не стала рисковать еще больше и не пошла на освобождение приписных.

17 марта 1764 г., менее чем через год после обнародования упомянутого указа, Вяземский представил ей свое итоговое заключение. Полагая, что причиной волнений были тяжелые условия труда на частных горных заводах и увеличение в 1761 г. подати, он, тем не менее, предложил лишь отдельные косметические меры³⁷. Самым радикальным из них было предложение перевести приписных крестьян партикулярных заводов на казенные предприятия. Кроме того, Вяземский предлагал уравнивать их зарплату с вольнонаемными работниками и оплачивать сезонный переход крестьян на заводы, если он составлял свыше 200 км. Наконец, он внес предложения по регламентации труда и его организации, очерченные указом Екатерины. Как и Екатерина, Вяземский полагал, что улучшение положения приписных поможет им привыкнуть к новому образу жизни.

Вяземский был против освобождения приписных. Он советовал императрице восстановить действие указа 1721 г., разрешавшего купцам покупать крепостных для своих заводов, очевидно полагая, что заводчики теперь смогут обойтись и без приписки. Если бы давние просьбы приписных крестьян оплачивать их труд наравне с вольнонаемными работниками (так, чтобы они, в свою очередь, могли нанимать себе замену) были бы реализованы сразу и без злоупотреблений, это на время ослабило бы напряженность на Урале. Но Екатерина не решилась сделать это. Она не стала распространять на всю промышленность действие указа от 9 апреля и одобрила лишь часть рекомендаций Вяземского³⁸. Не удивительно, что

приписные крестьяне оказались разочарованы и стали готовиться к новому, еще более крупному бунту. Условия для Пугачевщины были созданы.

Когда в сентябре 1773 г. донской казак Емельян Пугачев поднял восстание, к нему присоединились приписные крестьяне. Манифест самозванца к приписным крестьянам Авзяно-Петровского горного завода свидетельствует, что он гораздо лучше, чем Екатерина или Вяземский, понял психологию приписных³⁹. Пугачев призвал их поддержать истинного императора и дать ему бомбы и мортиры, а взамен даровал заводских крестьян «крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию»⁴⁰. Приписные восприняли слова «всякою вольностию» как освобождение, в то время как фраза «рекою и землею» должно быть, покорила сердца тех, кто тосковал по своей деревне и статусу государственного крестьянина. На всем Южном Урале приписные крестьяне или присоединялись к повстанцам или уходили к себе домой. В апогее пугачевского восстания (февраль 1774 г.) 64 из 129 уральских заводов, с более чем 40000 приписных крестьян перешли на сторону самозванца⁴¹. Но в том же 1774 г. армия Пугачева была разбита войсками, только что вернувшимися с русско-турецкой войны.

Восстание Пугачева нанесло огромный ущерб металлургии Урала. Общая сумма убытков от разрушения и простоя заводов оценивается в 5536193 руб.⁴² Однако предприятия удалось быстро восстановить, и заводы вскоре вновь начали работать в полную силу. Восстание повлияло на судьбу приписных крестьян, открыто выразивших свое отношение к принудительному труду. Главный следователь правительства Екатерины II на Урале капитан С.И.Маврин сообщал, что приписные крестьяне, которых он считал ведущей силой восстания, снабжали самозванца оружием. Капитан объяснял это тем, что заводчики угнетали своих приписных, вынуждая крестьян преодолевать длинные расстояния до заводов, не разрешали им заниматься земледелием и продавали им продукты по завышенным ценам. Маврин считал, что для предотвращения в будущем подобных волнений необходимо принять решительные меры⁴³.

Вслед за Вяземским, он повторял ошибочные выводы о привыкании приписных к заводскому труду. Екатерина писала Г.А.Потемкину, что Маврин «об заводских крестьян что говорит, то все весьма основательно, и думаю, что с сими иного делать нечего, как купить заводы и, когда будут казенные, тогда мужиков обলেখчить»⁴⁴. Она не пошла дальше, но в целях ликвидации наиболее отрицательных сторон приписки (без освобождения при этом людей) издала 19 мая 1779 г. манифест об общих правилах использования приписных крестьян на казенных и партикулярных предприятиях⁴⁵. Будучи гораздо более прогрессивным, чем все прежние законы Российского государства, этот указ тем не менее всего лишь определял перечень работ приписных крестьян, включавший заготовку леса, углежжение и вывоз древесного угля, перевозку руды и песка, строительство и ремонт плотин. Манифест существенно увеличил их заработную плату и вновь подтвердил право крестьян платить 1 руб. подушной подати из 2 руб. 70 коп. деньгами

(остальные 1 руб. 70 коп. вносились отработкой). Екатерина надеялась, что все эти меры успокоят крестьян.

Если ранее императрица подтвердила решение прекратить использование на горных заводах принудительной рабочей силы, то теперь она попыталась облегчить ее положение. Сделать еще один шаг и отменить крепостное право было уже выше ее сил. С ее точки зрения манифест, направленный на недопущение будущих беспорядков и обеспечение нормальной работы промышленности, был вынужденной уступкой. По мнению же рабочих, этих отдельных послаблений было недостаточно.

Хотя этот манифест не мог рассчитывать на долгую жизнь, на некоторое время он все же сумел предотвратить крупные волнения приписных⁴⁶, поскольку в совокупности его положения сократили крестьянам время заводских работ, позволив им больше заниматься земледелием. Несмотря на отказ от освобождения крестьян, в последние 17 лет царствования Екатерины на Урале не было никаких волнений. В эти два десятилетия материальное положение приписных крестьян никогда еще не было таким хорошим. Законодательство создало стабильность, в условиях которой железоделательные и медеплавильные заводы России могли работать нормально.

Но волнения приписных крестьян не ушли в прошлое. Забастовки в начале XIX в. в конечном счете вынудили власти провести новую реформу. Ряд членов правительства Павла I, особенно главный директор Берг-коллегии М.Ф.Соймонов, были убеждены, что практика приписки подрывает металлургию. Возражая консерваторам, Соймонов считал, что освобождение большинства подневольных работников принесет только пользу, поскольку труд, основанный на экономическом принуждении, а не на кнуте, будет более эффективным.

Если, с одной стороны, волнения рабочих подталкивали правительство к ликвидации системы приписки, то с другой военные потребности страны вынуждали ее сохранять. России вновь угрожало нашествие, но уже не Карла XII Шведского, а Наполеона Бонапарта, и правительство не хотело полностью отказываться от услуг приписных. Встав перед выбором: или устранить причины волнений приписных крестьян или сохранить военное производство, русское правительство остановилось на втором варианте. Часть бывших приписных крестьян превратили в «непременных работников», отныне обязанных трудиться весь день на заводе. Соймонов полагал, что 58 непременных заменят 1000 приписных⁴⁷.

Хотя по предложению Соймонова Павел I указом от 9 ноября 1800 г. ввел институт «непременных работников», это встретило такое сопротивление при дворе, что реализацию закона пришлось отложить. Вместе с проблемой волнений приписных крестьян продолжал решаться вопрос об освобождении полурабочих, поскольку предложения, выдвинутые при Павле, легли в основу реформы, принятой императором Александром I. В 1802 г. на Урал были командированы И.Ф.Герман и А.Ф.Дерябин. Им поручалось предложить нечто лучшее, чем замена приписных крестьян непременными работниками, и реализовать указ Павла. Опи-

раясь на данные отчетного доклада этих чиновников император ввел в 1806 г. на уральских горных заводах военные порядки, а 15 марта 1807 г. отменил приписку⁴⁸. Хотя этот указ реализовывал рекомендации Соймонова, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, немедленному освобождению от приписки подлежали только приписные казенных горных заводов, а на частных предприятиях оно откладывалось до 1 мая 1813 г. Во-вторых, указ распространялся только на приписных крестьян уральских заводов. Конечно, большинство приписных работало на Урале, но их было немало и на олонечких, алтайских, луганских и нерчинских рудниках и горных заводах. Они почти не бунтовали и это дорого им обошлось. Считается, что указ 1807 г. освободил приблизительно 217115 приписных крестьян Пермской, Тобольской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерний. Однако то же самое законодательство сохранило для приблизительно 17850 непрременных работников связь с уральской металлургией. Они, однако, не стали «вечно отданными» на предприятия: им нужно было отработать на заводе 30 лет, а их детям – 40. Как только представители этой недавно созданной категории работников становились немощными, заводы выбрасывали их за борт.

Освободив большинство приписных крестьян, Александр дал понять, что он хочет пойти дальше Екатерины II. В то же время, этот акт демонстрировал намерение государства надолго сохранить свою прерогативу поставки работников для металлургической промышленности. Управление горных округов, как и прежде, не верило, что свободный рынок может поставить для металлургии необходимое количество рабочей силы. Сам термин «непрременные работники» свидетельствует об уверенности государства в том, что рудники и заводы не смогут существовать без них. С этой точки зрения указ 1807 г. не следует рассматривать в качестве провозвестника освобождения от принудительного труда. Частые восстания приписных крестьян в тех областях, которые не затронуло законодательство, свидетельствовали, что освобождение, дарованное им Александром I, лишь частично сняло проблему волнений. Крупные волнения прокатились в первой трети XIX столетия по Олонечку и Алтаю⁴⁹. Полагая, что полное освобождение – это не выход из ситуации, государство не распространило действие указа 1807 г. за пределы Урала. Оно опасалось, что свободный рынок не сможет дать необходимого количества рабочей силы, и поэтому заставило олонечких и алтайских приписных крестьян, а также их посессионных собратьев дожидаться всеобщего освобождения, которое произошло только в феврале 1861 г.⁵⁰

Здание, столь кропотливо возводившееся русскими царями более двух столетий, рухнуло с началом в 1853 г. Крымской войны. Подавленный военными неудачами России, император Николай I умер в 1855 г., поручив своему сыну Александру II воссоздать былую мощь империи. Надеясь переломить ход войны, новый император сначала выступал за ее продолжение. Однако в январе 1856 г. на вопрос царя о дальнейших перспективах вооруженного конфликта российский военный министр генерал Н.О.Сухозанет твердо заявил, что финансовые, военные и промышленные ресурсы Западной Европы превосходят российские. Александру II

было прямо сказано, что продолжение военных действий ставит под угрозу само существование государства. Стало ясно, что принудительный труд себя изжил. Методы, которые показали свою эффективность в XVII-XVIII вв., в середине XIX в. были уже анахронизмом. В свое время военные нужды вызвали появление на металлургических предприятиях принудительного труда, и они же теперь привели к его упразднению. Взаимосвязь между войной и переменами в России была в 1856 г. достаточно условна. Военное поражение России могло бы привести к радикальным изменениям, равно как и военная победа способствовала бы сохранению сложившегося ранее устройства. Проигрыш в войне выявил отрицательные стороны использования непрременных работников, тем самым подчеркнув свою тесную связь с принудительным трудом в металлургии, порождая консерватизм технологии, низкую производительность труда русского рабочего по сравнению с его западным собратом и постоянные волнения на горных заводах, в дальнейшем сказавшиеся на промышленном производстве. Возрождая идеи В.Н.Татищева, Александр II признал, что на смену принудительному труду теперь должен прийти экономический стимул.

Освобождение последних остатков крепостных крестьян горных заводов стало неизбежным после того, как Александр II 30 марта 1856 г. заявил о своем намерении полностью отменить крепостное право. Поскольку предполагалось освободить свыше 20 млн помещичьих крепостных, это затронуло бы и более чем 590000 «горнозаводских крестьян». В итоге они получили личную свободу и небольшие земельные участки. Государство наконец-то покончило с петровским наследием в этом вопросе.

Единственной причиной отказа от принудительного труда в промышленности в историографии обычно считают проявленную государством мудрость, поскольку труд из-под палки якобы поставил под угрозу дальнейшее существование страны⁵¹. При этом роль волнений приписных крестьян в столь некорректном примере «революции сверху» часто преуменьшают, если вообще не игнорируют. Но история приписки, изложенная в данной статье, требует переосмысления проблем этой революции, поскольку приписные крестьяне горных заводов сами способствовали ускорению реформы. 100 лет они сопротивлялись попыткам правительства изменить их образ жизни, 100 лет они бросали работу, восставали и гибли, чтобы отстаивать свое право быть землепашцами. Когда в 1807 и 1813 гг. большинство их освободили от принудительного труда на горных заводах, это стало в значительной степени заслугой самих приписных. Как писал Карл Маркс, «иногда в истории человечества орудие возмездия создает не пострадавший, а его обидчик»⁵². История принудительного труда в русской металлургической промышленности и борьба с ним приписных крестьян полностью подтверждают эти слова.

Авторизованный перевод с английского канд. ист. наук И.В.Кучумова по: Hugh D. Hudson, Jr., Bruce J. DeHart, David M. Griffiths. Proletarians by Fiat: The Comput-

sory Ural Metallurgical Work Force, 1630-1861 // International Labor and Working-Class History. 1995. № 48. P.94-111.

¹ О разнице между западным и восточноевропейским сельским опытом и его значениями для капиталистического развития см.: *Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London, 1974* (особенно С.195-235).

² *Amburger E. Die Familie Marselis: Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte* (опубликовано в качестве: *Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe 1*). 1957. S.104; *Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России. М., 1963. С.219, 223; Grau C. Russisch-sachsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- and Huttenwesen in der erste Halfte des 18. Jh. // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Lander Europas. 1960. Bd. 4. S.302-30.*

³ В их обязанности также входило строительство и ремонт плотин и заводов, защита предприятий от восставших туземцев и охрана караванов на торговых путях. Об обязанностях приписных крестьян см.: *Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.306.*

⁴ *Спасский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833. С.79-83. Hudson Jr. H. Free Enterprise and the State in Eighteenth-Century Russia: The Demidov Metallurgical Empire // Canadian Slavonic Papers. 1984. Vol. 26. No. 2-3. P.185-186.*

⁵ *Семевский В.И. Указ. соч. С.304-305.*

⁶ Такие указы, относящиеся к различным отраслям промышленности см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.V. № 3313 (26 февраля 1719 г.), Т.VI. № 3808 (26 июля 1721 г.), № 4006 (11 мая 1722 г.)

⁷ *Спасский Г.И. Указ. соч. С.71. Б.Б.Кафенгауз ошибочно считает, что Демидов в то время не имел права покупать крестьян: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т.I. С. 95.*

⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.VI. № 3711. Фактически, после решения Берг- и Мануфактур-коллегии, переводы рабочих с одного завода на другой были разрешены.

⁹ *Огарков В.В. Демидовы, основатели горного дела в России. СПб., 1891. С.27.*

¹⁰ *Зеньковский С.А. Старообрядцы – технократы горного дела Урала // Записки Русской академической группы в США.. 1976. Т.10. С.154-57. Старообрядчество, вызванное расколом русской церкви в XVII в., было, в частности, попыткой низов сохранить свою культуру от иностранного религиозного и светского проникновения. О роли староверов в русской металлургии см.: Hudson Jr. H. The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1986. P.72-78. В 1753 г. государством было учтено 36842 старообрядцев (лишь малая часть этой категории населения), 4165 из них работали на невянских заводах Демидова, возможно, потому, что там они почти не боялись переписи.*

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 4055.

¹² *Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.189, 195.*

¹³ *Соколовский И.В. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1890. Кн. 3. С.46-50.*

¹⁴ Тарифы для приписных работников по указу от 20 января 1724 г. были следующими: летом – 10 коп. в день для крестьян с лошадьми и 5 коп. – для безлошадных; зимой – 6 коп. в день для крестьян с лошадьми и 4 коп. – для безлошадных (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4425).

¹⁵ Цит. по: *Кривоногов И.Я. Наемный труд горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959. С.127.*

¹⁶ *Бестужев-Рюмин Б.К.* Василий Никитич Татищев: администратор и историк начала XVIII века (1686-1750 гг.) // Древняя и новая Россия. 1871. № 1. С.13.

¹⁷ Указ от 23 марта 1734 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Бак И.С.* Экономические воззрения В.Н.Татищева // Исторические записки. 1955. Т.55. С.376.

²⁰ См.: *Горловский М.А., Павленко Н.И.* Материалы совещания уральских промышленников, 1734-1736 гг. // Исторический архив. 1953. Т.9. С.5-155.

²¹ *Павленко Н.И.* «Наказ шихтмейстеру» В.Н.Татищева // Исторический архив. 1951. Т.VI. С.199-244.

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. №№ 6849 (23 декабря 1735 г.), 6939 (15 апреля 1736 г.); *Попов Н.* В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С.181-92.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6559, пункт 9.

²⁴ Там же. № 6858. Чтобы удовлетворить жалобы помещиков на заводчиков, удерживавших их крестьян, государство приказало промышленникам выплатить компенсацию беглым мастерам, а остальных вернуть их законным хозяевам.

²⁵ См.: *Павленко Н.И.* К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур в 20-40-х годах XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 3; Он же. Zum Problem der Struktur der russischen Manufaktur im 17.-19. Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1969. Bd. XIII. № 2.

²⁶ См.: *Zelnik R.* The Peasant and the Factory // The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P.165-66.

²⁷ См. важные документы: Волнения работных людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. М., 1975. Т.I-II.

²⁸ О волнениях на Урале в 1750-1760-е гг. см.: *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979; *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725-1773). Л., 1964. Ч. I. С.47-64.

²⁹ Н.И.Павленко утверждает, что это заявление означало конец приписки к рудникам и мануфактурам: *Павленко Н.И.* Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в // Вопросы истории. 1958. № 9. С.43. Данное законодательство, к сожалению, не включено в «Полное собрание законов Российской империи».

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11490.

³¹ Через 4 месяца после издания указа Петра его преемница Екатерина II подтвердила его 8 августа 1762 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. №1638. Исключение было сделано для отдельных иностранных предпринимателей. В 1798 г. Павел I восстановил право недворян покупать крепостные деревни для нужд заводов, но этим воспользовались, кажется, немногие.

³² Эта цифру назвала сама Екатерина девятью годами позже: Сборник императорского Русского исторического общества. Т.10. С.380. Если эта цифра верна, то в таком случае примерно 35 % приписных крестьян участвовали в восстании в период его наивысшего подъема.

³³ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 7. С.188-196.

³⁴ Там же. С.192 (ошибочно обозначена как 182).

³⁵ Много челобитных опубликовано в кн.: *Орлов А.С.* Указ. соч. С.192-263.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11790. Хотя указ касался только прикамских крестьян, императрица предполагала распространить его действие на всю металлургическую промышленность.

³⁷ Об итоговом докладе Вяземского см.: *Орлов А.С.* Указ. соч. С.158-60. Увеличение налогов, которое предлагал князь, было сделано 12 октября 1761 г. Этот закон, однако, не включен в «Полное собрание законов Российской империи».

³⁸ В итоге (в 1767 г.), правительство применило указ от 9 апреля 1763 г. ко всем казенным заводам. Он также применялся при волнениях на частных заводах: *Portal R.* L'Oural au XVIIIe siecle: etude d'histoire economique et sociale. Paris, 1950. P.319; *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.405-08; *Madariaga Isabel de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P.124-125. Также примечательным является то обстоятельство, что 27 мая 1769 г. Екатерина издала указ, который повышал жалованье приписным крестьянам и вводил оплату их переходов из деревень на заводы: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVIII. № 13303. Хотя повышение заработной платы и оплата переходов на большие расстояния должны были улучшить условия существования приписных крестьян, в действительности они сказались мало, поскольку за год до этого (в 1768 г.) возрос размер подати: Там же. № 13194.

³⁹ О роли отдельных предприятий в восстании под предводительством Е.И.Пугачева см.: *Пруссак А.В.* Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические записки. 1940. Т. 8.

⁴⁰ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М. 1975. С.30-31.

⁴¹ *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.237-38.

⁴² *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С.475 и сл.

⁴³ *Alexander J.* Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773-1775. Bloomington, 1969. P.145.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14878.

⁴⁶ См.: Сборник императорского Русского исторического общества. Т. XXVII. С.174.

⁴⁷ *Кривоногов В.Я.* Указ. соч. С.110-111; *Гольденберг Л.А.* Михаил Федорович Соймонов (1730-1804). М., 1973. С.140. Эта цифра была установлена в 1807 г. для частных заводов; каждый казенный завод должен был определять ее сам: Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. № 22498. Указом от 15 марта 1807 г. «непременные работники» юридически и социально были уравнены с вечноотданными: Положение для непременных работников при горных заводах // Там же.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19641.

⁴⁹ Там же. Т. XXIX. № 22498.

⁵⁰ О волнениях начала XIX в. см.: *Тальский О.С.* Положение и классовая борьба углеставщиков металлургической промышленности России в феодальном периоде // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней школе. Барнаул, 1972. О судьбе олонечких приписных крестьян и решении государства распространить на них законодательство 1807 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. III. № 1916. Всеобщее освобождение было дано Манифестом 19 февраля 1861 г.: Там же. Т. XXXVI. № 36650. Об освобождении приписных крестьян частных заводов см.: Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов // Там же. № 36667. Освобождение несвободных работников на казенных заводах произошло 1 мая 1861 г. (это законодательство отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи»).

⁵¹ См., в частности: *The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii, 1857-1864.* Paris, 1966. P.21-30.

⁵² См.: *Mintz S.* Caribbean Transformation. Chicago, 1974. P.150-151.